

По праву памяти

Творчество Александра Трифоновича Твардовского – зеркало почти всего периода новейшей истории СССР. Всем известно, что в течение очень важного 20-летия (с 1950 г., с перерывом) он руководил одним из самых востребованных советским читателем толстым литературным журналом. Известно, что свое поэтическое рождение он сам отсчитывал от поэмы «Страна Муравия», посвященной уже заканчивающейся коллективизации (1936 г.). Но правду о раскулаченном отце и о своей личной проблеме и проблемах детей «врагов народа» или детей «лишенцев» (категорий лиц, лишенных гражданских прав) он смог выразить лишь в конце 60-х гг.

Итоги размышлений о своем веке Твардовский как бы подводит в поэме «По праву памяти» (закончена в 1969, опубликована лишь в 1987 г.). Период правления Сталина (мы привыкли называть его авторитарным или тоталитарным) был сопряжен с тяжелейшими испытаниями для всех народов страны. Для Твардовского таким испытанием стало раскулачивание и потеря отца, боль от чего он пронес через всю свою жизнь.

«...Сын за отца не отвечает --

Пять слов по счету, ровно пять.

Но что они в себе вмещают,

Вам, молодым, не вдруг обнять».

Принято считать, что именно эти слова произнес Сталин на совещании передовых комбайнеров в начале декабря 1935 г., как бы подводя итог проведенной массовой насильственной коллективизации и расправе с «кулаками» и «подкулачниками».

«...Их обронил в кремлевском зале

Тот, кто для всех нас был одним

Судеб вершителем земным,

Кого народы величали

На торжествах *отцом* родным».

По данным «Черной книги коммунизма», около 2 млн крестьян было депортировано, 6 млн умерло от голода (в том числе – на Украине), сотни тысяч оказались в ссылках¹. В их числе оказался и отец Твардовского, именно по этой причине Александр не мог устроиться на работу после окончания школы.

«...Вам --

---

¹ См.: «Черная книга коммунизма». Интернет ресурс: http://www.goldentime.ru/nbk_07.htm Дата обращения: 10.05.2015.

Из другого поколения --
Едва ль постичь до глубины
Тех слов коротких откровенье
Для виноватых без вины.

Вас не смутить в любой анкете
Зловещей некогда графой:
Кем был до вас еще на свете
Отец ваш, мертвый иль живой.

В чаду полуночных собраний
Вас не мытарил тот вопрос:
Ведь вы отца не выбирали, --
Ответ по-нынешнему прост.

Но в те года и пятилетки,
Кому с графой не повезло, --
Для несмываемой отметки
Подставь безропотно чело.

Чтоб со стыдом и мукой жгучей
Носить ее -- закон таков.
Быть под рукой всегда -- на случай
Нехватки классовых врагов.

Готовым к пытке быть публичной
И к горшей горечи подчас,
Когда дружок твой закадычный
При этом не поднимет глаз...

О, годы юности немилой,
Ее жестоких передраг.
То был отец, то вдруг он -- враг....»

Эта трагедия, как и трагедия всей страны, пережитая им в период коллективизации, несомненно, оставила глубокую рану в его душе, которая кровоточила всю жизнь. Но по

неписанному закону, скорее – закону выживания, в те времена, когда можно было думать одно, но говорить другое, и лишь немногим удавалось делать третье, Твардовский писал о героях страны, великом и героическом настоящем. Маленький человек терялся в водовороте великих перемен, зажимал свои страдания в кулак и не имел права жаловаться вслух. Период «великого перелома» (с к. 20-х гг. – форсированной коллективизации и индустриализации) фактически вверг всю страну в состояние новой гражданской войны, вызвал огромное количество крестьянских мятежей и восстаний.

Жесткий идеологический прессинг всех несогласных с «линией партии» сопровождал эти события. Вновь обратимся к поэме:

«...Я слышу вдруг издалека, --
Опять с кулацкой колокольни,
Опять на мельницу врага. –

Доколе, господи, доколе
Мне слышать эхо древних лет:
Ни мельниц тех, ни колоколен
Давным-давно на свете нет.)

От их злорадства иль участия
Спиной горбатой заслонясь,
Среди врагов советской власти
Один, что славил эту власть;

Ее помощник голоштаный,
Ее опора и боец,
Что на земельке долгожданной
При ней и зажил наконец, --

Он, ею кинутый в погибель,
Не попрекнул ее со злом:
Ведь суть не в малом перегибе,
Когда -- Великий перелом...

И верил: все на место встанет
И не замедлит пересчет,

Как только -- только лично Сталин

В Кремле письмо его прочтет...»

Жить с клеймом «сына врага народа» приходилось очень многим, как правило, никто из них (за редким исключением – в этом немногочисленном ряду стоит и Твардовский) удавалось забраться хотя бы на первую ступень социальной лестницы. Равными все «лишенцы» становились только в лагерях.

«...И за одной чертой закона

Уже равняла всех судьба:

Сын кулака иль сын наркома,

Сын командарма иль попа...

Клеймо с рожденья отмечало

Младенца вражеских кровей.

И все, казалось, не хватало

Стране клейменных сыновей».

В его судьбу проблема войны (военных конфликтов) входит рано – в 1939 г. он призывается в Красную Армию и участвует в присоединении Западной Белоруссии как советской зоны влияния согласно «пакту Молотов – Риббентроп». Затем была советско-финская война и Великая Отечественная.

Война уравнивала всех, как это было испокон веку и во все исторические времена, потому, что

«...Война предоставляла право

На смерть и даже долю славы

В рядах бойцов земли родной.

Предоставляла званье сына

Солдату воинская часть...

Одна была страшна судьбина:

В сраженье без вести пропасть».

Смерть Сталина, развенчание культа личности Сталина с подачи Н.С. Хрущева, начало пересмотра учебников истории и простое переписывание «Краткого курса ВКП (б)» (изданного при Сталине), ослабление цензуры, открытие новых документальных материалов – все это меняло картину не только СССР, но мира. Послевоенный период был очень насыщенным в творчестве и организационной деятельности Твардовского.

Тема трагедии раскулачивания не исчерпала себя, но теперь почти парадоксально на нее проецировалась тема коллективной ответственности поколений за уже развенчанное прошлое – сталинизм, культ личности и прочие исторические явления, связанные с этим «развенчанным» периодом.

«...Давно отцами стали дети,
Но за всеобщего отца
Мы оказались все в ответе,
И длится суд десятилетий,
И не видать еще конца».

Хрущева сменил Л.И. Брежнев, историческое восприятие прошлого постепенно разворачивалась в сторону ресталинизации и Твардовский понимал, оглядываясь назад, в ушедший период «оттепели», как важно говорить и успевать говорить правду:

«...Тогда совсем уже -- не диво,
Что голос памяти правдивой
Вещал бы нам и впредь беду:
Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу...

.....

Гора бы с плеч --
Еще успеть без проволоочки
Немую боль в слова облечь.

Ту боль, что скрытно временами
И встарь теснила нам сердца
И что глушили мы громами
Рукоплесканий в честь *отца*....

.....

А вы, что ныне норовите
Вернуть былую благодать,
Так вы уж Сталина зовите --
Он богом был -- Он может встать.

И что он легок на помине
В подлунном мире, бог-отец,
О том свидетельствует ныне

Его китайский образец...

Речь шла о Мао Цзедуне, отношения с которым у Сталина были прочными, но в период Оттепели, по мере развития «китайской культурной революции», на протяжении 60-х годов прошлого века, обострился и вопрос о спорных участках на границе с Китаем.

Твардовский – достойный сын своего трудного времени: он старался быть искренним и честным поэтом, для которого испытания сравнимы с лекарством для души:

«И опыт -- наш почтенный лекарь,

Подчас причудливо крутой, --

Нам подносил по воле века

Его целительный настой.

Зато и впредь как были -- будем, --

Какая вдруг ни грянь гроза --

Людьми

из тех людей,

что людям,

Не пряча глаз,

Глядят в глаза».

(Цитаты из поэмы А.Т. Твардовского «По праву памяти» заимствованы с сайта:
<http://www.lib.ru/POEZIQ/TWARDOWSKIJ/memory.txt>)